

РАЗДЕЛ 3

ИСТОЧНИКИ ДРЕВНОСТИ, СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Снежко И.В.

ANNALIS АТТИКА И DE EXCELLENTIBUS DUCIBUS EXTERARUM GENTIUM: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ КОРНЕЛИЯ НЕПОТА

Ключевые слова: Annalis, Аттик, Непот, Цицерон, Афины.

В политической пропаганде древнего Рима большое значение отводилось истории. Античные авторы в своих исторических трудах всегда исходили из какой-то политической идеи, доминировавшей в их работах. В не меньшей степени политическими были исторические труды Корнелия Непота, среди которых до нас дошли полностью *De excellentibus ducibus exterarum gentium* и частично *De latinis historicis* – части более обширного труда *De viris illustribus* – сборника парных греко-римских жизнеописаний в 16-ти книгах.

Еще меньше дошло информации о взглядах Корнелия Непота. Известно, что его друзьями были Марк Туллий Цицерон и Тит Помпоний Аттик. С последним его связывали общие научные интересы, поскольку оба были историками. От произведений Аттика, к сожалению, остались одни упоминания, содержащиеся у других авторов. Однако, он оказывал значительное влияние на исторические труды своего друга [8, р. 98–105]. В предисловии к «Иноземным полководцам» Непот посвящает книгу Аттику (*Praef.* 1). Сочинение о Катоне Непот пишет по просьбе Аттика (*Cato.* 3, 5), не говоря уже о хвалебном сочинении о самом Аттике и таком же положительном отзыве о его исторических трудах (*Att.* 18, 1–4). В ходе своего повествования Непот также ссылается на Аттика (*Hann.* 13, 1). На наш взгляд, не менее сильное влияние Аттика прослеживается и в политических идеях, ретранслируемых Непотом. Известно, что в большинстве своем материал для биографий Непот черпал из греческих историков – в первую очередь, Фукидида, Эфора, Геродота и Феопомпа [4; 6]. Тем не менее влияние Аттика на работу Непота позволяет внести в историографическую традицию определенные уточнения.

Обратимся к источникам. *De excellentibus ducibus exterarum gentium* – это произведение из 23 глав, 10 из которых посвящены известным афинским полководцам. На наш взгляд, большое влияние на выбор афинских деятелей мог оказывать Аттик, на что указывают определенные косвенные факты. Во-первых, посвящение Аттику, что подчеркивает его особенное влияние на данную работу (*Praef.* 1). Во-вторых, поспешность, с которой Непот писал свое сочинение (*Praef.* 8), что, очевидно, требовало от него гораздо большего доверия источникам [11, р. 31–36], и что влияло на выбор предмета рассмотрения. В-третьих, нельзя не отметить особый интерес Аттика в отношении Афин: подробно знакомый с греческой историей, Аттик прожил в Афинах свыше 20 лет (*Nep. Att.* 2, 2; 4, 5), и уделял афинской истории большое внимание в «Анналах» [9, S. 84–85].

Сам же Аттик играл значительную роль в интеллектуальной жизни Рима конца Республики. Известно, что он горячо поддерживал политический курс Цицерона, открыто выступив на его стороне во время мятежа Катилины (*Cic. Att.* II. 1, 7), а затем написал о консульстве Цицерона хвалебный труд (*Nep. Att.* 18, 5; *Cic. Att.* II. 1, 1). Непот называет Аттика оптиматом (*Att.* 6, 1). *Annalis*, главное сочинение Аттика, представляли собой произведение, в котором события мировой истории тщательно излагались в соответствии с порядком римских магистратур (*Nep. Att.* 18, 1; *Cic. Brut.* 13–15). Исходя из источников, стоит предполагать, что *Annalis* отразили их совместные политические про-республиканские идеи, в т. ч. понятие о «согласии

сословий» (Cic. Brut. 19; Cic. Att. VI. 1, 8). Из источников известно, как минимум, о двух пропагандистских образах из *Annalis*: это Кориолан и Катон Старший [1]. В диалоге Цицерона «Брут», бывшем под сильнейшим влиянием *Annalis* [9, S. 50–76], целенаправленно сравниваются Фемистокл и Кориолан как выдающиеся граждане, изгнанные неблагодарным народом (Cic. Brut. 42), при этом фигура Кориолана в I в. до н.э. носила однозначный антиплебейский характер [10, p. 315]. О Катоне Старшем, символе республиканских идей и теории «упадка нравов» [2, с. 64–67], вероятно, у Аттика было написано достаточно много (Cic. Att. XII. 23, 2). Таким образом, «Анналы» Аттика – это отражение ценностей высшей римской аристократии, ее представлений о политике и устройстве общества.

Обратимся к ключевым особенностям «афинских биографий» Непота. В каждом жизнеописании историк подчеркивал различные достоинства (*dignitas*) своих героев, считая их образцовыми мужами. (Milt. 1, 1; 3, 6; Them. 5, 3; Arist. 2, 2; Cim. 2, 1; Alcib. 1–2; Trasyb. 1, 1–2; Con. 5, 2; Iphicr. 3). За некоторыми исключениями, каждый из них пострадал в ходе борьбы с народом. Например, говоря о деяниях Фемистокла, Непот сокрушается, что он не смог избежать зависти сограждан, и был из-за этого отправлен в изгнание (Them. 8, 1).

К биографии Фемистокла тесно примыкает жизнеописание его соперника Аристида. Непот замечает, что Аристид и Фемистокл возводили друг на друга обвинения, борясь за первенство: их конфликт показал, насколько красноречие (*eloquentia*) было сильнее честности (*innocentia*) (Arist. 1, 1–2). При этом Аристида Непот считает не менее добродетельным: он говорит, что Аристид был первым на людской памяти (*ut unus post hominum memoriam*), кто получил прозвище «Справедливый» (*Iustus*), однако его авторитет был подорван Фемистоклом, удалившим Аристида в изгнание (Arist. 1, 2).

Может показаться, что Непот обвиняет Фемистокла в изгнании Аристида. Однако фактическим «виновником» у Непота является афинская политическая система, которая в итоге приводила к тому, что красноречие ценилось выше добродетели. В этом контексте показателен эпизод, который приводит Непот после слов об изгнании Аристида, где простой афинянин заявляет ему, что не знает, кто такой Аристид, но ему не нравится, что тот прикладывал усилия, чтобы возвышаться над остальными прозвищем «*Iustus*» (Arist. 1, 4). Этот безымянный человек, очевидно, является олицетворением той самой толпы, которая ничего не знала о подвигах Аристида и судила о нем со слов его врагов.

Апофеозом отрицательного отношения Непота к афинской демократии (и, вероятно, и к римскому устройству, поскольку Непот писал для римской аудитории) рисует пассаж из биографии Хабрия: говоря о зависти черни (*vulgus*) к нему, историк отмечает: «Таков общий недостаток великих и при том свободных государств (*magnis liberisque civitatibus*), где зависть сопровождает славу, где охотно низвергают тех, кто кажется стоящим выше (*quos eminere videant altius*), где бедняки (*pauperes*) не могут со спокойствием выносить удачу тех, кто богат» (Chabr. 3, 3).

В биографиях полководцев Непот опирался на своих предшественников, а именно Эфора, Фукидида, Геродота и Феопомпа, но тем не менее ни у одного из представленных авторов нет такого достаточно неприязненного отношения к афинской системе, как у Непота. Феопомп был сторонником Спарты и аристократии, однако Непот вряд ли мог на него сослаться подробно в афинских биографиях, поскольку сам же охарактеризовал его как клеветника (*maledicentissimus*) (Alcib. 11, 1). Достаточно схожим с Непотом образом высказывается Диодор, а точнее – Эфор, однако он был активным сторонником Афин и афинской демократии [3, p. 78–79; 89–91], и его характеристика изгнания Фемистокла не выглядит столь однозначной: ведь Диодор замечает, что Фемистокл был изгнан из самого справедливого и мудрейшего города (Diod. 11. 59, 3). И здесь, на наш взгляд, Непот мог опираться именно на Аттика.

В «Бруте» Цицерона Фемистокл связывается с фигурой Кориолана. Вероятно, подобный же мотив прослеживался у Аттика, поскольку был взят Цицероном именно из *Annalis* [9, S. 84–85]. Таким образом, прямое заимствование идеи параллельных биографий Фемистокла–Кориолана у Аттика не может быть нами исключено: на это намекает и общий авторитет Фукидида, на которого одинаково ссылаются Атик и Непот в этом вопросе (*Cic. Brut.* 42; *Nep. Them.* 10, 4) [5, p. 91–92]. Таким образом, Непот демонстрирует «оптиматский» взгляд Аттика на биографию Фемистокла, других знатных афинян и проблемы организации афинской демократии.

Итак, противопоставляя «лучших» народу, Непот, очевидно, гораздо чаще находится на стороне первых. Почти каждый герой его повествования противопоставлен народу, поскольку является «лучшим» (*optimus*). Для обозначения народа Непот употребляет различные термины, вплоть до крайне негативных: «граждане» (*cives*), «народ» (*populi*), «толпа» (*multitudo*), «чернь» (*vulgus*), «бедняки» (*pauperes*); для обозначения аристократии: «первые» (*principes*) (*Cim.* 3, 1; ср. *Att.* 6, 1), «лучшие» (*optimates*) (*Phoc.* 3, 1). Словоупотребление «*optimates*» и «*principes*» Непота достаточно близко к словарю Цицерона и обозначает, очевидно, не представителей знати конкретно, а скорее знатных, богатых и благородных вообще, которые противопоставлены толпе, демагогам и популистам.

Стоит обратить внимание, что среди «афинских» биографий выделяется жизнеописание Фрасибула, в котором Непот подчеркивает, что он был с народом в согласии (*Thras.* 4, 1): более того, он провел закон об амнистии, и целенаправленно пресекал попытки его сторонников устроить репрессии в отношении оппонентов (*Thrasib.* 3, 3). Говоря о противоречиях между народом и «лучшими», историк неоднократно подчеркивал в жизнеописаниях определенную «ветреность» толпы, подверженность влияниям (*Alcib.* 6, 4; *Milt.* 6, 4; *Cim.* 4, 1; *Thim.* 4, 1; *Alcib.* 6). Иначе говоря, Непот подводит читателя к мысли, что когда народ находился в «согласии» с «лучшими», то Афины были действительно могущественны, как при Фрасибуле. Как только они порывали с ними, изгоняли известных оптиматов, подвергаясь влиянию противников «лучших», это приводило к несчастьям.

Подобная же политическая позиция «согласия сословий» (*Cic. Pro Cluent.* 151–152) могла с высокой долей вероятности высказываться в «Анналах» Аттика. Она отражала их совместное с Цицероном политическое видение возможного выхода из кризиса римского поздне-республиканского общества. Схожую идею передает и Непот [11, p. 236–237]. Таким образом, политическая повестка Непота в его работе достаточно близка консервативным идеям, высказанным Атиком в «Анналах».

Таким образом, среди традиционных источников, которыми пользовался Непот при составлении биографий иноземных полководцев в ряд с Фукидидом, Эфором, Теопомпом и другими может быть поставлен и Тит Помпоний Атик – безусловно, гораздо менее в фактологической части, но гораздо более – с позиций общих особенностей повествования, идей и принципов построения политических биографий Корнелием Непотом. *De excellentibus ducibus exterarum gentium* Непота – труд, носивший, очевидно, оптиматский, прореспубликанский характер, который, вполне вероятно, ретранслировал совместные их с Атиком и Цицероном политические идеи, не последнюю среди которых занимала концепция «согласия сословий».

1. Снежко, И. В. Идеи и образы *Libet annalis* Тита Помпония Аттика / И. В. Снежко // Проблемы археологии Восточной Европы XVIII : сборник тезисов. – Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2024. – С. 75–79.

2. Утченко, С. Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики / С. Л. Утченко. – М. : АН СССР, 1952. – 300 с.

3. Barber, G. *The historian Ephorus* / G. Barber. – Cambr. : Cambridge University Press, 1935. – 190 p.

4. Bradley, J. *The Sources of Cornelius Nepos* / J. Bradley. – New-York ; London : Garland Publishing, 1992. – 168 p.

5. Geiger, J. *Cornelius Nepos and ancient political biography* / J. Geiger. – Stuttgart : Steiner-Verlag-Wiesbaden-GmbH, 1985. – 128 p.

6. Göthe, A. *Die Quellen des Cornelius Nepos zur Griechischen Geschichte* / A. Göthe // Programm des Königliche Evangelischen Gymnasiums. – Gross-Glogau, 1878. – S. 1–25.

7. Lapyrionok, R. W. Consensus bonorum omnium: Untersuchungen zur politischen Terminologie der späten römischen Republik / R. W. Lapyrionok. – Bonn : Rudolf Habelt GmbH, 2008. – 76 s.

8. Lobur, J. Cornelius Nepos. A study in the Evidence and Influence / J. Lobur. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 2021. – 305 p.

9. Münzer, F. Atticus als Geschichtschreiber / F. Münzer // Hermes. – 1905. – Bd. 40, H. 1. – S. 50–100.

10. Ogilvie, R. A commentary on Livy / R. Ogilvie. – Books 1–5. – Oxford : Clarendon Press, 1965. – 774 p.

11. Stem, R. The Political Biographies of Cornelius Nepos / R. Stem. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 2012. – 291 p.

Абдулманова И.В.

ПИСЬМА ЕПИСКОПА ФЕОФИЛА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Ключевые слова: Александрия, поздняя античность, Феофил Александрийский, синодальные письма, пасхальные послания.

Официальные письма епископа Александрийской церкви Феофила представляют собой важный материал для изучения интеллектуальной истории позднеантичного и раннесредневекового мира. И это при том, что, по сути, Феофил является одним из наименее доступных авторов своего периода, поскольку большая часть его работ дошла до нас во фрагментарном виде. Во многом это объясняется тем, что как таковой интеллектуальной деятельности Феофил никогда не вел, все больше занимаясь административными вопросами церкви. И, кроме того, при том, что в коптской традиции он был весьма почитаем, роль, которую Феофил сыграл в биографии Иоанна Златоуста, настроила против него многих историков (например, Сократа и Созомена). Тем не менее, официально он оставил после себя достаточно большое количество писем, часть из которых пока не переведена на русский язык. Особенности этих работ, а также общий контекст их написания и являются предметом исследования в данной статье.

В начале своего епископата Феофил написал 27 праздничных писем. Подобная практика написания была традиционной для христианской церкви Александрии. Она заключалась в том, что перед началом Великого поста епископ города издавал письмо, в котором обозначал дату Пасхи. Сама практика возникла еще в III в. в период администрирования александрийской церковью Дионисия Великого. Содержание этих писем, как правило, весьма лаконичное, и кроме заявленной темы, ничего существенного не включает.

Пасхальный вопрос обозначен и в письме Феофила к императору Феодосию I. Это письмо содержит пасхальную таблицу и пролог к ней (в прологе указаны сведения о выборе даты Пасхи в привязке к лунному месяцу): «Не забывай, что весенний оборот начинается с 12 календарного апреля [= 21 марта], что есть 25 Фаменот, или, согласно антиохийским сирийцам и македонянам, 21 Дистра, из-за курса Солнца, который день нужно особенно отметить, чтобы кто-нибудь ошибочно не поставил четырнадцатую Луну перед этой датой и не ошибся относительно Пасхи» [1, с. 18; 2; 3, р. 379]. Помимо этого, в письме идет речь об установлении дня весеннего равноденствия (Феофил вместо термина «равноденствие» (*ισημερία*) использует термин «весенний поворот» (*τῆς ἐαρινῆς τροπῆς*)) [4]. Письмо Феофила не сохранилось в греческом оригинале. Норман Рассел перевел его из старой латинской версии, опубликованной Бруно Крушем. Пролог к пасхальному столу сохранился на греческом языке, но не полностью. Последние два абзаца сохранились только в латинском варианте.

Следует заметить, что ко времени Феофила пасхальные споры имели долгую историю. Главными были вопросы о праздновании Пасхи в тот день недели, на который приходилась Пасха в еврейском богослужебном календаре, или же ее всегда следует праздновать в воскресенье из уважения к евангельским повествованиям. Еврейский литургический календарь следовал лунному циклу. Каждый месяц, первым из которых